

Дым от костра неровно струится, пугается в густых лапах вековых сосен, и от этого кажется: ночь становится темнее, страшнее. Иногда затрещат ветки, охваченные огнем, искры, брызнувшие в стороны, моментально гаснут. Пламя вырывает из темноты несколько обросших, исхудалых лиц, и снова темнота, тажедей хрип устающих партизан.

В замасленной, местами прожженной фуфайке старый Игнат смотрит в костер, машинально подбегает оглашенные угли жаркой тростью. В глазах, окруженных мохнатыми бровями, пляшет отсвет костра.

—Самыш, Аня? — глухо, будто проснувшись, говорит Игнат. —Иа-под дубленого полушубка показывается девичье Загорелое лицо, острый носик, пуляе губы, широкая с крохотной ямочкой подбородок в свете костра выделяется резкими линиями.

—Чего, дед? —Чего? А вот чего. Ты помнишь того Мишку? —Да, дед. —И любишь, значит? —И почему спрашиваешь? —Так. Вестей боляно долго нет. —Буаут.

Шумки сосны гудят и протяжно. Надсадно кричит сова. Глухо эхо волн и налетает на вековые стволы и рассыпается на мелкие отзвуки.

Дед долго молчит. Как ему сказать вучиче о Мишке Коробове, который ушел в отряд белых. Нет, это невозможно даже произнести вслух. Чо с ней станет? Ведь в безотчетная бедная вучича... Гудит безотчетная вучича, поднимает широким темной в гудом таскем уголке. Спят усталые партизаны. Не спится только Игнату. Тоскует сердце старика. «Эх, вучича, вучича...»

—А что, Анишукка... если в белых окажется? —испуганно смотрит на нее, —он из богатых, чай... —Дед, да побойся бога, на ночь такое говоришь. —Голос девушки тревожный, она поднимается на дожке, глаза расширяются, будто впитывают пламя костра.

—Ладно. Ночь гудит, вот мысли и летят разные: не спится стариковские. Сня, дочка.

Пох шум сосен Аня засыпает. Когда пламя подпрыгивает, Игнат видит на осумнувших лице вучича теплую улыбку.

Нет, не старый Игнат ей видеть снится, а Михаил Коробов. И чем он может покорить сердце сиротки. Ведь кроме дедки она никого не помнит. Отца пришло на присказку, а мать захлала от непосильного труда, когда вучиче было четыре года. Слезки испрошено набегает на глаза Игнату.

—расплываюся в сети морщин... Над тайгой брызнули солнечные лучи: изумрудом засветились верхним деревьям, отступили ночные звуки. Грядущая шесть человек, съез по несколько сухарей, молчаливо двинулись вглубь, дальше от населенных пунктов. Отряд белых, поуучивший подкрепление, наседа на партизан, и потому красный командир Иван Железнов решил ускользнуть от белых, набравшись свежих сил, съезваться с другими отрядами.

Игнат поправляет на плече берданку, оглядывается: Аня шагает кривоно, по-мужски. Оксела, восточный партизан—восхищенно отмечает дед и обращается к ней: —Не устала? —Кои надо—не устанешь.

—Верно. —Трещат ветки под ногами, проминается многолетний слой травы и листья, запах свежей мяллы аппетитно щеколет ноздри. Игнат достает из кармана два черствых сухаря и протягивает один вучиче.

—Погрызи, веселее будет. Хорошее дело сухарь. Съешь маленький дозаренный сухарек, а на душе становится легко и вроде не чувствуется усталости в онемевших ногах. И обязательно в такие минуты вспомнится родное село. Жили они с дедом в маленькой землянке. Хоть бедно, но весело. Дед не обижал вучичу,

Рассказ

П. Шмаков

Бессмертие

из всех сил тнаусил, чтобы была не хуже других одета. Ходил он по селам, стекли окна, делал рамы, а с приходом сибирской зимы сположил.

Как-то по сумеркам зимнего вечера забежала к Ане подружка и смазала ее на вечеринку в верхний край села. И там-то встретилась подружка Мишке Коробову. Рискуешь в памяти встречи с другом, и она прижимает руку к животу, улыбаясь: о себе зает знатных сыи. И Аня знает, что он будет походить на любимого Мишку: такой же, вырвет подвильный, горячий, с черными глазами.

Остановились на принал. Железнов сидел в небольшом шалашике, наскел слезливи партизанкой, и что-то писал в тетради с черной обложкой. Подняв усталые глаза на вошедшую, взглядом показал присест к старому люно, на котором лежала старая полая сумка.

—Сына ждешь?—как можно ласковее произнес командир. —Ага.—Краска залила лицо, но выстнула на абу.

—Несколько тебе с нами, Анишукка. Переход на этот раз долгий. —Товарищ командир, я не боюсь трудностей... —Верно, понимаю. Но ты должен идти в село,—и, похлопав ее по плечу, отечески забавил.—Сын твой родится в дни начала великой эпохи.

—Но я хочу... в голосе просьба. —Анишукка, решение совета партизанского отряда надо выполнять. —Но... —Никаких но...

У старого морщинистого кедра Игнат простился с вучичкой. Целовал золото и молчаливо, и Аня не могла понять: или от росы лицо мокрое, или дед плакал...

Остановилась Аня у знакомой старушки в селе Борровка. Просторная изба с широкой ступой русской печкой навевала грустные мысли. И сидя на высокбеленной добеда лавке, Аня вспоминала отряд, суровые лица партизан, доброго молчаливого дедки.

Хлопнув дверь, вошла Агафья и обратилась к доуручке: —Погрызули окжанные охулки. Опять самогон ищут по хатам. Ты бы уж на печь спрятались, а то загазуют, о муже пытать станут, партизанкой сочтут. Давай, дедка, убирайся. Я залерну занавеску. Да укаси тебя христос, мученица,—тяжело вздохнула старушка Агафья, положив на себя крест.

Опасения старушки оправдались. В избу вошли трое. Раскрыли сундук, лезли в подполье, под печь. Низкого роста, с маленькими, скарлящими глазами парень сорвал занавеску и увидлено протянул: —Мишка, взглянь иди, какая красота здесь приречета.

—Ну тащи, не нивячься. Аня быстро спрыгнула на под, широко раскрыла голубые глаза, губою вхнула воздух ртом и обессиленно прислонилась к печи. —Аня? Вот здорово. Да откуда же ты. —Миша. Наконец то...

Аня протянула руки, прильнула к холодным губам Коробова. Нарпник стоял в стороне, изумленно наблюдая сцену встречи. —Что жена аль так бабенка? —наконец, спросил он.

—Ну знаешь, Колька, помолчи. —А ты за юбки не хватайся, время не то сейчас.—Он отошел и стал шарить под печью. —Мишка да как же так? Почему ты с таким связался? —Понимаешь, Аня, я тебе расскажу. Началась с того, как пришли красные. Забрали у нас всех лошадей, разграбили все. Убили отца за то, что ночью хотел увести своих лошадей. Но знай, мы все вернем, мы опять станем хозяевами.

Коробов взял ее за плечи, осторожно послал на широкую деревянную кровать. —Миша, ну же! ты такой? —Ну вот видишь, такой. А какими же я буду? Колька, скоти, съешь самогон. На грошей. —Будь по-твоemu.—тму отозвался тот, беря деньги.—Вернусь, чтобы реши с кралей. Видать нашего полета, с душкой.—И, хлопнув дверь, вышел.

Зависая на шатком дощатом крыльце и глухо отозвался в сердце девушки. —Миша, пойдем отсюда, от этих бандитов. Пойдем к нашим. —Это ты помой, о каких вачи толкуешь? Ты уж не крутись, теперь ты мой. Понимаешь? Так вот, куда игла, туда и ниточка.

—Миша, а помнишь ты говорил, что пойдешь за мной хоть на край света. Ну вот и пойдешь, только не на край света, а к нашим к людям, которые борются за человеческую жизнь.

Девушка вслинула, с надеждой взглянула на Михаила. —Видно крепко втемянился тебе красные. —Распахнулась дверь, и авалился парень, который ходил за самогоном. В руках он держал четверть. За ним вошли еще двое.

—Молодец, черной бородой, с мутными внутренними глазами, шатаясь, прошел к столу и сел. Второй помоложе, с отвислой нижней губой осторожно присел на лавке.

—Видно стоб, Мишка—обротился ходивший за самогоном. —Вещь добрая,—помигнула чернобородый и шекаула по бутылке, —сегодня нужно повеселиться. А завтра чтоб ни-ни. С утра в поход идите, сами разведка съешет след. Эх, погуляем, если отыщем,—варг расхохотался он, откинув голову.

Аня взглянула и заметила, что огромный калды как-то неестественно дергался. —А смазливая мордочка у твоей крали. Да беда, что пользуются. Не завидую.

—Как вам не стыдно!—воскликнула Агафья. —Молода сидеть, тварь этакая,—забыло свернула глазами чернобородый.

—Аня, зачем ты? Излились,—испуганно пробормотал Коробов. —Ты что перепил, ташуешь? А ну встань, как положено солдату праведной Руси. Иль хочешь, чтобы вс вздернули, красных голубчиков? А?—оскалался он.

—Христово! Матвеевич, вы знаете, что я честно и делом стою за поруганную русскую землю. —Усольцев, увести Коробова. Пусть походит вольным воздухом. А эта тварь пусть зымк разваж.

—Как вам не стыдно,—покачал головой, повторила спокойно девушка.—Вы думаете разлучить меня? Нет, это вам не уместно!

она бросилась к Михаилу, но тот поспешно освободился от ее рук и проговорил: —Извинись перед Матвеевичем,—глаза его сверкали стеклянными.

—Перед этим голызем? Никогда!—крикнула Аня. —Коробов шаркнул се от нее и, ударив по лицу, выбежал за дверь. —Браво, орано, Коробов!—густо захохотал чернобородый.

Аня медленно опустилась на лавку и ледяным голозом прошептала: —Какие вы все подлецы! —А ну, Усольцев, замнись ею. —Не беспокоитесь, я вас не боюсь и напросился не трузитесь. —Усольцев услаживо бросился к Ане, но, получив удар в живот, отскокиа.

—Не загоришь наше счастье. Оно уже стучится в каждый дом, где живут белены. А вы... О вас и говорить не хочется. —Ах, вот как, краснень? Ну я сам займусь тобой...

Чернобородый выхватил из кармана пистолет и рукояткой ударил в лицо...

В полдень четвертого дня после ухода Аны из отряда Железнов вызвал Игната. Лица лодка, земля под ногами вслипывала и анула к сапогам. Перед входом в шалаш старик остановился. Глухой шум стоял в тайге—это дождь козыничал в листьях деревьев.

—Спустились лавки и нагнувшись, он вошел к командиру. Железнов, не глядя на старика, будто была виноват перед ним, заговорила медленно, с болью: —Игнат Ермолович, доведаси, что Аня и в руках врага, к дьяволу. Бери желающих человек пять—шесть и попробуйте ночью выловить ее. Торопись. Мы не можем менять курса. Встретимся, где говорим.

Тяжелое село Борровка раскинулось на склоне крутой горы. Могучие кедры и сосны густо окружили его и будто укрывали от постороннего глаза. Выину с несколькими делами гладко бежала речушка, белесованная в набегающих серых сумерках холодным свином. Партизаны остановились в ожидании полной темноты.

—Вон, год живет наша Анишукка,—показал Игнат партизанам, и они увидели, что рука старика дрожит.

Ночь, ворвавшись в дом, партизаны замеряли у порога. В просторной комнате за столом спали чернобородый и два вооруженных парня. Перед ними стояло несколько пустых бутылок и четверть с муноватой выжимкой. А на полу в луже крови лежала раздетая Анишукка. Живот был проколот в двух местах. Партизаны бросились к лямкам, а Игнат наклонился к вучиче, накрыв ее сдернутой с кровати простыней и поднял на руки. Алая струйка крови обгадила ее подбородок, и несколько капель упали на пол...

Задрожала, вскинулись слнпшесые ресницы, засветились угасившей радостью глаза. Дрогнула затеплился губы, и старый Игнат услащил шепот:

—Не сказала, где вы. Я так рада, дедка, что выдержала. А как больно в груди... Обросшее морщинистое лицо старого партизана не могло скрыть слез, и плечи задрожали в рыданиях.

Каждую весну, когда белоснежной выжидкой покрываюся ягоды и черемуха, когда птицы особенно звонко зальваются, прославляя пробуждение жизни на земле, к могиле героини приходят ребята в красных галстуках. Небольшой дождик под развесистым старым кедром, где, по словам жителей села Борровка, похоронена Аня, напоминает о тех далеких героических делах, когда наши отцы зажгли свет новой жизни; а маленькая, лучистая звездочка на памятке говорит о бессмертии.

